

К СТОЛЕТИЮ РЕФОРМЫ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

Е.М. Большева, Н.В. Николенкова (Москва, Россия)

Правила переноса в истории русской письменности и в современности

Аннотация: В статье рассмотрены проблемы, связанные с моделированием правил переноса в русском языке в разные периоды его истории и в современности. Авторы связывают формирование принципов переноса не с представлением говорящих о таком фонетическом явлении, как слог, а с морфемным членением слова и с графическими принципами. Также показано, что мнение пишущих о «правильности» переноса слова во многом связано с характером обучения чтению и письму.

Ключевые слова: история и теория орфографии, принципы орфографии, переносы, слог

E.M. Bolycheva, N.V. Nikolenkova (Moscow, Russia)

Rules of Hyphenation in Russian: Diachrony and Synchrony

Abstract: The article discusses Russian hyphenation patterns today and throughout history of the language. It is claimed that hyphenation rules have been formed not on the basis of the word's syllable division, but in connection with its morpheme division and graphic principles. It is also shown that the word's hyphenation is deemed "correct" largely due to the ways of how people have been taught to read and write.

Key words: history and theory of orthography, principles of orthography, hyphenation, syllable

Правила переноса относятся к числу находящихся на периферии орфографической системы. Трудно представить себе задание на ЕГЭ по русскому языку с формулировкой «определите, какое слово перенесено неверно». Однако вопрос о правильности переноса того или иного слова у Справочных служб по русскому языку возникает регулярно. К примеру, на портале Грамота.ру можно найти более 150 вопросов с формулировкой «можно ли так переносить» [new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer], что свидетельствует об уверенности большинства пишущих, что переносы подчиняются каким-то строгим правилам и в переносе можно допустить ошибку.

В Правилах русской орфографии и пунктуации [Правила-56] переносу посвящены §117–124, однако четыре последних относятся не к методике членения словоформы в тексте, а скорее к техническим вопросам оформления издания. Что касается остальных пунктов правила, они предлагают при переносе учитывать сразу несколько принципов:

- *фонетический*: нельзя ни оставлять в конце строки, ни переносить на другую строку часть слова, не составляющую слога: *просмо-тр, *ст-рах (§117), отделять согласную от последующей гласной: *люб-овь, *наст-ух (§118);
- *морфемный*: желательно не разбивать приставку переносом: *бе-зумный, *по-дбить (примечание 1 §118, примечание 4 §119), нельзя оставлять с приставкой начальную согласную корня: *прис-лать (примечание 5 §119), нельзя неверно разбивать корни сложного слова: *пятиг-раммовый (примечание 6 §119) и сложносокращенного: *спе-цодежда (примечание 8 §119); есть также примечание 3 §118, где разрешается разрыв приставки и корня, если приставка в настоящее время отчетливо не выделяется (*ра-зирать, разо-рять*);
- *графический*: нельзя начинать перенос с буквы Ё: *раз-ыскать (примечание 2 §118), нельзя отрывать Ъ и Ь от предшествующей согласной: *под-ъезд (примечания 1 §119), нельзя оставлять или переносить две одинаковые буквы: *жу-жжать (примечание 7 §119).

При перечислении, чего нельзя делать в русском языке при переносе, разные принципы сталкиваются; к примеру, нельзя оставлять одну букву (примечание 3 §119), хотя гласная образует единый слог.

В [Правилах-56] указывается, что для большой массы слов есть разные варианты переноса, при этом следует предпочитать такие, при которых не разбиваются значащие части слова. Можно ли на основании этого говорить о том, что составители [Правил-56] ориентировались на *морфемный* принцип как основной для правил переноса?

Составители новой редакции правил (далее ПАС [Правила-2006]) в основном повторяют сформулированные в 1956 г. принципы переноса, однако смягчают морфемную составляющую, допуская перенос как соответствующий, так и не соответствующий членению слова на значимые части. Однако в §217 ПАС этот критерий опять выходит на первый план: допускается любое членение корня и суффикса, но предпочтительнее учитывать членение слова при переносе на стыке приставки и корня. И однозначно определяется этот критерий в §218, где перенос сложного и сложносокращенного слова в принципе возможен только в соответствии с его морфемной структурой.

В учебных пособиях по курсу русского языка – причем как в школьных, так и вузовских – перенос и правила переноса устойчиво соотносятся с темой «Слог» в разделе «Фонетика», поскольку в принципе орфография соотнесена с фонетическими разделами учебников. К примеру, в пособии «Русский язык» для гуманитарных классов школ правила переноса соотнесены со слого-морфемным принципом (сначала учитывается слоговое членение слова, а затем и его морфемная структура¹ [Багрянцева 2017]). О фонетическом как основном принципе переноса пишут и вузовские учебники [Лекант 1999: 155].

Сопоставив принципы переноса и сформулированные кодификаторами русской письменности в разные периоды развития русского языка и в современности правила, мы пришли к выводу, что говорить о фонетическом критерии как об основном вряд ли возможно. Приоритетными надо признавать морфемный принцип

¹ В числе примеров неправильного переноса *здани-е, *я-года; однако о следовании в этом случае графическому принципу авторы не говорят.

и графический. А целый ряд решений, которые мы видим в бытовой письменности, вне всякого сомнения основаны на тех принципах, которыми руководствуются не в теоретических руководствах, а в практике обучения письму.

ПЕРЕНОС В ИСТОРИИ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XI–XVII ВВ.
И В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ГРАММАТИКАХ

Изучая ранний этап истории русской письменности, мы должны говорить о переносе очень условно. Скорее речь идет о возможной для писцов границе разрыва слова на конце строки. Для самого раннего периода этот разрыв осуществляется в соответствии с фонетическими принципами: «перенос» может идти только по гласной¹. Рукописи разных периодов демонстрируют только такие разрывы конца строки: *носи|ши, па|че, пре|да, вели|каго, тиву|на* [Ремнева 2016: 22]. Такие же переносы отмечаем и в некнижных текстах, в первую очередь в берестяных грамотах: *о|трокъ, прода|ль, пра|ви, ма|сла, цетве|рина* [Зализняк 2004], хотя в отдельных случаях встречаются разрывы строки на согласную, что, безусловно, может быть связано и со спецификой самого материала. Вероятнее всего, строгость выполнения переносов на гласные могла быть связана с характером обучения чтению и письму – по складам, что доказывается известной грамотой № 199 мальчика Онфима [Зализняк 2004: 476].

Даже изменение фонетического строя русского языка, которое привело к формированию скопления согласных в речи и возможности заканчивать слово на согласный звук, к резким изменениям оформления конца строк в рукописях не приводит. В подавляющем большинстве случаев строка заканчивается на гласную букву, а если на согласную – она как правило выносная (*иска|ти; облива|ется, предѣ|ли* и *Хер|сонисъ, гра^о|цами²*). Тех же принципов придерживаются издатели первых печатных книг: *глаголю|ще, творя|щья, просвь|тятся, сокро|вищу, про|даеть³*; редкие переносы на согласную оформляются с помощью особого знака, паерка – *обратят'|ся*.

Первые грамматики церковнославянского языка о переносе как правиле орфографии не пишут, но при описании различных знаков, употребляющихся в текстах, вводят соединительные или, наоборот, разделительные знаки. Грамматика Л. Зизания 1596 вводит такое понятие: «Внегда пишемъ въ строцѣ, и къ концу пишущей идеже не вѣмѣщается реченіе, тогда на ко^нци единая строки реченію по^н сушу, в началѣ же другія другому поль. Тогда съединителная съединяеть оно реченіе раздѣленное, яко, хлѣбъ *аггель-скій* яде члкъ»⁴ [Кузьминова 2000: 42–43].

Иное объяснение нужности особого значка в месте разрыва слова дает М. Смотрицкий в грамматике 1619 года: «Разятная мѣсто заемлетъ в реченіи раздѣльномъ в тожде и едино слитися могуще^м: яко, *скор-бьяше*, да не чтется *скор бьяше: не-сущимъ*, в различіе *несущимъ*» [[Кузьминова 2000: 152]. Для нашей темы в этом примере важна сама возможность переноса на согласную, которую предусматривает автор грамматики. При этом в самом тексте грамматического сочинения нами об-

¹ В нашу задачу не входит обсуждение, действительно ли буква, обозначающая гласный, соответствовала реально произносимому звуку. Понятно, что в процессе падения редуцированных происходили фонетические изменения; однако общий принцип «конец строки должен заканчиваться на гласную» сохранялся.

² Примеры из рукописи Син. 779 ОР ГИМ, в которой содержится черновой перевод Атласа Блау.

³ Примеры из Библии 1663 года.

⁴ Все цитаты из сочинений XVII в. даются в упрощенной орфографии.

наружен всего один случая разрыва слова на согласную (в московском издании грамматики на л. 42об есть перенос *Козма асвѣ|критъ*), т. е. издатели все равно соблюдают стандартное правило – переносят на гласную. Заметим, что в XVII в. правила открытого слога в живом языке уже нет, слоги делятся на открытые и закрытые.

Однако среди рукописей постграмматического периода развития русского литературного языка (церковнославянского для описываемого периода) нам удалось обнаружить один текст, писец которого ломает традицию и позволяет себе переносы на согласную, т. е. использует закрытые слоги.

ПЕРЕНОС У АВТОРА БЕЛОВОГО ТЕКСТА АТЛАСА БЛАУ КАК ПЕРВЫЙ ОБРАЗЕЦ ВЫСТРАИВАНИЯ НОВОГО ПРАВИЛА

Среди ряда рукописей середины XVII в. обнаруживается интересный комплект черновики, выполненных южнорусскими книжниками, и беловиков, переписанных московским писцом, вне всякого сомнения знающим грамматику [Николенкова 2016]. Этот писец представляет нам новую форму отношения к концу строки: в его рукописях отмечен перенос на согласную. При этом автор беловика пытается создать для себе определенные правила с такими параметрами:

Графический принцип часто проявляется при разрыве двойных согласных: *Грам|матикъ, писмен|ныхъ, Брус|скія, стран|ніи, Пан|ноніи*. Говорить о том, что этот принцип соблюдается всегда, нельзя (есть *Бору|ссія*), но все же тенденция выявляется.

Писец интуитивно начинает выстраивать морфемный принцип, отделяя корень от суффикса: *достопамят|ный, Архикняз|ство, герман|скихъ, богат|шій, Прекоп|ская, Латин|скаго, Константинопол|скими*; а также приставку от корня: *рас|продается, раз|личнымъ, неиз|мерень*; есть даже случаи, когда разделенным оказывается приставка и корень на гласную: *из|явиль*. На такое интуитивное словоделение при хорошем знании церковнославянской грамматики книжник вполне способен.

Наконец, в рукописи довольно много примеров, когда разрыв согласных словообразовательными особенностями объяснить невозможно: *тог|да, Петрар|ха, пруд|чае, отвер|зается, Ав|стриаку, Бос|форъ* и т. д. Вероятно, никакими фонетическими причинами такой перенос объяснить нельзя, решение, скорее всего, графическое: первая согласная буква остается на одной строке, вторая (или группа) переносятся на новую.

Таким образом, появление переносов на согласную букву в истории письменности с фонетикой и слогаделением оказываются не связаны, первые стихийно вырабатываемые принципы – графические и морфемные.

ПРАВИЛА ПЕРЕНОСА В XVIII–XIX ВВ.

С конца XVII – начала XVIII в. переносы на согласные встречаются все чаще и чаще. Уже в первых печатных текстах на гражданке находим *зем|ный, об|ращеніе, об|ходятъ, экватор|нымъ, декаб|ря*. Много их у писателей XVIII в., создателей литературного языка нового типа, к примеру, у В.К. Третьяковского: *сіятел|ства, дол|женствую, перевод|чикахъ, изряд|ныхъ* и т. д. Таким образом, ситуация меняется и авторам грамматик надо не просто формулировать правила, а обосновывать развивающуюся тенденцию.

М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» впервые связал перенос со слогоделением. В §136 ученый пишет: «Единительный знак разделенное в две строки одно речение показывает: *непости-жимъ* Богъ. Здесь наблюдать должно, чтобы не разлучать букв, до одного склада надлежащих (смотри §106); напр., *пре-дстою* весьма неправильно» [Ломоносов 1755: 61]. Заметим, что неверное, с точки зрения Ломоносова, соотносится с морфемным членением слова.

В параграфах 106 и 107 даны примеры складов, как их видит Ломоносов: это сочетание «самогласной» с согласными. В результате перечислены как открытые слоги (*у, жа, дря*), так и закрытые. Выделенные закрытые слоги, по нашему наблюдению, подчинены также не фонетическому, а морфемному принципу: «*воз-ношу*, а не *во-зношу* несмотря на то, что от *зн знаю, зной* начинаются», *потвор-ство, ноч-ный, за-втре-шний, раз-лич-ный* [Ломоносов 1755: 51]. Двойные (по формулировке Ломоносова, «усугубленные») согласные у него разделяются: *стран-ный, Ахил-лесь*. В тексте грамматики Ломоносов следует своему правилу, мы находим *жен|скимъ, немец|каго, углубляет|ся, несчет|номъ*.

Однако в текстах XVIII–XIX вв. есть большое число переносов, которые логикой деления на морфемы не объясняются, разделение двух согласных происходит просто графически – одна согласная остается на одной строке, другая переносится.

Разной, которой отмечается в русской орфографии в период XVIII–XIX вв., обычно с точки зрения ситуации с переносами не рассматривается. Но необходимость создания единых правил переноса слов, вероятно, чувствовалась, поэтому при работе над руководством «Русское правописание» академик Я.К. Грот счел необходимым выделить правила переноса в отдельный раздел и посвятил ему 3, 5 страницы (§99–100) [Грот 1894: 97–101]. Громоздкость правила может объясняться как раз желанием академика обосновать все случаи переносов, которые он отмечает в текстах.

В первую очередь Грот разделяет слова на простые и сложные (имеющие в своем составе приставку). Для приставочных образований морфемный принцип остается основным: приставка отделяется от корня (*вос|токъ, вы|звать, со|всемъ, на|ставникъ*), причем правило сохраняется и для заимствованных слов (*кон|трактъ, аб|рисъ, адъ|ютантъ, дис|путъ, ин|спектор* [Грот 1894: 100]). Несмотря на то что в самом начале Грот говорит о главном основании для переноса – правильном разделении слова на слоги, для приставочных образований ученый допускает нарушение правила: *раз|уметь, без|образіе*. Только если «состав слова неясен, или когда слово искажено» фонетический принцип становится основным [Грот 1894: 100].

Для бесприставочных лексем словообразовательные основания также являются актуальными: в п. 4 §99 Грот говорит о необходимости переносить «суффиксы, начинающиеся согласною и составляющие слог» (*бож|ба, дерз|кий, жи|зни, долж|но* [Грот 1894: 98]). Грот формулирует правило о том, что некоторые суффиксы – «ство, ск» – не должны разделяться при переносе, словообразовательное исключение есть и для стандартного правила о разрыве при переносе двух одинаковых согласных: «но перед суффиксом, начинающимся с согласной, <...> буквы не должны быть разделяемы, *класс|ный*» [Грот 1894: 98].

В остальных случаях Гротом предпринята попытка сформулировать правила слогоделения, к примеру: при стечении плавного, носового или шипящего с другим согласным граница переноса проходит между ними (*гор|дость, дол|жень, баш|макъ, физ|мы*), если стечение согласных начинается другими буквами, особенно буквой «с», то разрыва не происходит (*чи|стый, ко|сти, мо|сты, Мо|сква*

[Грот 1894: 98]). Не разрываются переносом сочетания «бл, пл, вл, фл, мл, жд», а в заимствованных словах – «кс, кз, пс, дж» (*кора|бли, тер|плю, зе|мля, стре|млюсь, стра|жду; Але|ксей, синта|кись, экс|педиция, Окс|фордъ* [Грот 1894: 99]), а буква «в», наоборот, всегда относится к предыдущему слогу и сохраняется на строке (*ав|торъ, Ав|рора*).

Громоздкое правило практически не может быть выполнено. Даже на рассмотренных страницах мы нашли переносы, нарушающие сформулированное Гротом: *поз|волительны, смяг|чение*), потому что однозначно выполнить какой-то пункт в этих случаях нельзя. Безусловно, пользоваться этим правилом как определенной рекомендацией было возможно, но выполнять его как обязательное – нет. Эта сложность формулировки привела к необходимости его упрощения, поэтому все проекты после 1900 г. раздел о переносах содержат.

ПРАВИЛА ПЕРЕНОСА В ПРОЕКТАХ РЕФОРМЫ ОРФОГРАФИИ

Проект 1900 г. в первую очередь отмечает, что правила переноса не могут иметь никакой научной обязательности, рекомендуется переносить по слогам с соблюдением двух правил: «согласная причисляется к следующей гласной; при стечении нескольких согласных возможно или все отнести к последующей гласной, или некоторые оставить при предыдущей гласной» [Григорьева 2004: 250]. Фактически в данном случае морфемный критерий исключается совсем, рекомендация переносить по слогам означает лишь необходимость следить, чтобы в оставленной и перенесенной части слова обязательно оставалась гласная¹.

Орфографическая комиссия 1904 г. посвящает правилам переноса 2 абзаца. В первом абзаце дана рекомендация согласную не отделять от последующей гласной, а в начале слова переносить после первой гласной после группы согласных [Григорьева 2004: 255]. Второй абзац опять возвращает морфемный принцип, рекомендуя при переносе сложных слов «иметь в виду этимологический их состав» [Григорьева 2004: 255].

Более четко сформулирован раздел о переносе в Постановлениях Орфографической подкомиссии 1912 г. Самой рекомендации переносить по слогам, т. е. опоры на фонетический принцип, нет. Чисто графически рекомендуется не отрывать согласную (или последнюю в группе согласную) от последующей гласной, т. е., вероятно, выбирается перенос *чер|ный* и *ра|зискать*. Однако в случае скопления согласных, одна из которых заканчивает приставку, а другая начинает корень, рекомендован перенос по морфемному принципу: «*под|ходить*, а не *по|дходить*, *раз|вязать*, а не *ра|звязать*» [Григорьева 2004: 285]. Все последующие постановления о введении нового правописания пункт о правилах переноса включали примерно в этой формулировке [Григорьева 2004: 293–295].

Проекты советского времени полностью готовы отказаться от фонетического принципа и какой-то опоры на слог и предлагают свободный перенос, при котором не отделяются от предшествующей буквы Ъ и Ы (*к|уст, ку|ст, кус|т* [Григорьева 2004: 298]), а проект 1964 г. раздела о переносе не включал вовсе.

Таким образом, история формирования принципов переноса в русской письменности – это история отказа от единственно возможного разрыва на гласный (в соответствии с принципом открытого слога) и подбор обоснований для объяснения возможностей переноса на согласный, т. е. образования при разрыве закры-

¹ Хочется обратить внимание, что формулировка 1900 г. позволяет оставлять одну гласную про переносе.

того слога. Пишущие хотели от создателей грамматических руководств и правил однозначных рекомендаций, что породило создание формулировок, объясняющих стихийные поиски пишущих. Становясь правилами, многие формулировки лишь усложняли жизнь их пользователям – в первую очередь учащимся, которые должны были выучивать правила и выполнять их на практике.

ПРИНЦИПЫ ПЕРЕНОСА В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПИСЬМА:
ВЗГЛЯД ФОНЕТИСТА И «НАИВНОГО» НОСИТЕЛЯ

Как сказано выше, перечень параграфов в ПАС, посвященных рассмотрению девяти конкретных ограничений при делении слова на части (в связи с их расположением на предшествующей и последующей строках текста) тесно связывается с фонетикой: «в основу правил переноса положен слоговой принцип» [Правила-2006: 195]. Коль скоро между процедурой переноса и слогоделением устанавливается явная связь, прежде всего следует разобраться, как понимается в современной науке слог и по каким принципам люди делят слова на слоги.

Можно привести как минимум пять научных определений слога: каждая из существующих теорий (сонорная, имплозии-эксплозии, мускульного напряжения, открытого слога, оптимальности) оперирует своим представлением о слоге как суперсегментной единице. Объем данной статьи не предполагает возможности сравнительного анализа имеющихся в науке подходов, поэтому ограничимся ссылкой на работу, где соответствующее исследование проделано [Князев, Пожарицкая 2012: 129–155]. Важно подчеркнуть, что все перечисленные теории рассматривают слог как единицу принципиально фонетическую, состоящую из звуков и с буквами не связанную, при этом сама множественность решений, вероятно, свидетельствует о непростой сущности объекта описания.

Понятно, что рядовой носитель языка тонкостей фонетической науки не знает, но тем не менее оперирует понятием слог, вкладывая в него некий смысл. Какой именно? Вряд ли обычный человек, с готовностью откликающийся на задачу поделить слово на слоги, выполняет в уме строгий алгоритм пересчетов и анализирует, шумный согласный произносится или сонорный и каков его индекс по шкале сонорности. Перечисленные признаки важны для теории Р.И. Аванесова и лежат в основе школьного курса фонетики, – но отнюдь не они определяют механизм слогоделения в обыденной ситуации.

Внутренне определяя для себя объем понятия слог, русский человек опирается на интуитивные знания и умения, полученные не в школе, а несколько раньше – в ходе обучения чтению в семье. Основная масса детей начинает пробовать читать в возрасте четырех с половиной – пяти лет и в школу приходит уже с отчасти сформированным навыком.

Беглому чтению предшествует процесс чтения по слогам, с которого, собственно, и начинаются домашние упражнения. В сознание ребенка вводится новое понятие – слог. Это слово постоянно повторяется взрослыми, требующими не торопиться, а читать по слогам. На слоги разбиты слова в азбуке. Мама, охваченная педагогическим рвением, пишет на листочке что-то слогами. Текст в сказке поделен на слоги – между ними ставятся черточки. Или не ставятся, но тем не менее любое слово можно, читая, разбить на слоги. Вывод о значении нового слова напрашивается сам собой: буквы объединяются в слоги; из слогов, если правильно их прочитать, а потом повторить слитно и без пауз, сложится слово. Итак, мысль

о слоге обязательно ассоциирована с буквенным представлением слова, т. е. с графикой, а не с фонетикой.

Слова с группами согласных представляют безусловную трудность для плохо читающего ребенка. В процессе обучения ему помогают с ними справиться: *кош-ка, шум-ный, сес-тра / сест-ра*. Один из предлагаемых методических приемов связан с задачей разбить консонантный кластер. Именно такая модель многие десятилетия была принята в стране в ходе обучения чтению, что, возможно, объясняет непререкаемую привлекательность вариантов с закрытым слогом для взрослых информантов. Исследования о возрастных предпочтениях слога деления проводились в семидесятые годы XX в., и по результатам была выстроена шкала приоритетов у носителей языка начиная от трех с половиной лет и заканчивая взрослым населением [Винарская 1977].

Получается, что в процессе обучения чтению ребенок интуитивно не только усваивает объем понятия слог как графической единицы, но и обучается делать их закрытыми в ситуациях скопления согласных. Закрепляемые навыком варианты типа *кош-ка, шум-ный, сес-тра / сест-ра* нравятся все больше и больше, а альтернативные версии вызывают интуитивное несогласие (*ко-шка, шу-мный, се-стра*).

Постепенно умение читать оттачивается и становится автоматизированным, однако обретенный опыт слога деления не забывается за ненужностью, поскольку используется теперь в процессе письма – при переносе слов. Многоцелевая востребованность операции и обучение ей в раннем возрасте определяет прочное усвоение навыка группировать буквы слова в более короткие последовательности, которые принято называть слогами. Модель группировки типа *кош-ка* доводится до автоматизма, и приоритет закрытого слога начинает восприниматься как фактор безусловный, не подвергающийся сомнению.

Информация, получаемая в школе на уроках русского языка в связи с изучением фонетики и сонорной теории слога, противоречит обыденному опыту, уже вошедшему в привычку, и потому очень плохо усваивается. Фонетический разбор остается в коллективной памяти носителей языка как воспоминание о мороке с парностью-непарностью и финальным подсчетом букв / звуков – и не более того. Изучавшаяся в связи с сонорной теорией модель слога деления типа [кó-шка] в плоть и кровь не входит и, оторванная от процедуры фонетического разбора, вызывает внутренний протест.

Таким образом, в метаязыковое сознание человека слог как обыденное понятие вводится на уровне графических представлений, при этом тяготение слогов к закрытости определяется методикой обучения чтению, т. е. психологическими и социо-культурными факторами, а не собственно языковыми. Поменяется методика – поменяются и наши предпочтения. Сформированное в раннем детстве, обыденно-наивное представление о слоге почти не подвергается ни последующим исправлениям, ни уточнениям. Поэтому делим мы слова при переносе, руководствуясь детским навыком чтения по слогам: *Ма-ма мы-ла ра-му. Тёр-ла тряп-кой до блес-ка*.

Первая фраза, всем знакомая и близкая (несмотря на невозможность продуцировать ее в реальной речи: раму тогда следует заменить на окно), не предполагает никаких иных вариантов членения слов, вторая же фраза, специально составленная авторами, чтобы продолжить пассаж про раму, вовсе не однозначна в плане поиска слоговой границы.

Реальные правила переноса эту ситуацию регламентируют, но по-разному. Так, в изданиях справочников Д.Э. Розенталя 1990-х гг. говорится об упрощении требований к правилам переноса в связи с компьютерным набором текстов. При этом подчеркивается, что более правильным остается тот вариант, когда морфемные границы не нарушаются, именно он рекомендован к использованию в школьной практике и в работе корректоров: *дет-ский, руковод-ство* [Справочник 1994: 80]. В ПАС (§217) свобода от морфемного критерия провозглашается как принцип членения группы согласных в корне и на стыке корня с суффиксом, однако в ситуациях с приставкой традиционный вариант членения по-прежнему остается предпочтительным: *де-тство, дет-ство, детс-тво, детст-во*; но лучше *под-бить, под-бросить* (при допустимом *по-дбить, подб-росить*) [Правила 2006: 196–197]. Если следовать разрешенному ПАС алгоритму, то вышеприведенная фраза про уборку может быть подана иначе: *Тё-рля тря-пкой до бле-ска*. Вам нравится такой вариант? Скорее всего, нет, если ваше детство приходилось на шестидесятые годы прошлого века или раньше. Как и вам, не понравится новый вариант и вашим детям, потому что именно вы учили их читать. Однако визуальный опыт, подкрепленный современным существующим (а теперь и узаконенным) разнообразием в попытке завершить строчку и абсолютной свободой печатающего на компьютере человека от этой проблемы (умная машина сама справится), может корректировать ощущения новых поколений носителей языка. Возможно, вашим внукам, с детства мало пишущим от руки, но много печатающим, подобный перенос слов уже и не покажется столь диким и неуместным. С научной точки зрения было бы весьма любопытно повторить упомянутые выше исследования о возрастных предпочтениях слоговой деления, предпринятые в 1970-е гг., связав их со статистической картиной реальных переносов в рукописных текстах современных школьников.

В пользу абсолютной распространенности интуитивного переноса по слогам, заданного детским опытом обучения чтению, говорит и факт незнания конкретных правил переноса рядовыми людьми при достаточно грамотных вариантах членения слов на практике. Пишущие по-русски в основном помнят базовое утверждение «слова переносятся по слогам и с учетом...» – и этого знания им оказывается вполне достаточно. Что именно следует учитывать, основная масса людей затрудняется сформулировать, в лучшем случае воспоминания сведутся к правилу не оставлять одну букву на строчке и не начинать строчку с твердого или мягкого знака. Мысль про необходимость соотносить перенос с морфемными границами вряд ли будет высказана, однако на подсознательном уровне указанный алгоритм будет работать, и из четырех разрешенных вариантов переноса *де-тство, дет-ство, детс-тво, детст-во* люди среднего поколения предпочтут один единственный. Если подобный пример попадет в детскую книжку, он ведь предстанет как *дет-ство* – так естественнее прочесть слово, чтобы понять его. Если есть выбор алгоритмов, то морфемы остаются равными себе, если нет, то легко делятся слоговой границей (*смот-рю, кос-точ-ка*). Получается, что морфемный критерий не может считаться приоритетным при переносе, мы делим слова на части прежде всего исходя из обыденно-наивных представлений о слоге как графической единице, используемой для обучения чтению.

Знакомство с научными представлениями о слоге, связанное с обучением в школе или в соответствующем вузе, неспособно заставить человека забыть о сформированных в детстве предпочтениях. Так, например, филологическая подготовка не мешает студентам время от времени либо пытаться поделить на слоги

буквенную, а не транскрипционную запись (*позд-но* вместо [пó-знь]), либо неверно интерпретировать особенности произношения, мысленно подменяя естественное звучание ([мъивó] *моого*) отчетливым чтением по слогам ([мó | жé | гó]).

Выявление особенностей обыденного метаязыкового сознания помогает прояснить некоторые статистически распространенные феномены и взглянуть по-новому на кажущиеся привычными закономерности. Будучи перспективной, указанная область знания пока только зарождается, в работах соответствующей тематики еще даже не унифицирован терминологический аппарат и для обозначения направления описания используются разные обороты: «обыденная лингвистика», «обыденная металингвистика», «наивная лингвистика», «лингвистика метаязыкового сознания» [Голев 2009: 371], «картина языкового мира» [Орлова 2009: 387], «наивные представления о языке», «интуитивное фонетическое знание» [Болычева 2007; Болычева 2010].

Древнерусский книжник мог опираться при переносе слова на навык читать по «складам», а вот с чем связано начавшееся в текстах XVII в. желание изменить принципы и от привычного переноса на гласную перейти к переносу на согласный – на этот вопрос еще предстоит ответить. Ясно только, что сначала происходила стихийная выработка новой тенденции в практике письма, а потом кодификация.

ЛИТЕРАТУРА

Болычева Е.М. О презумпции буквы в наивных представлениях о языке и некоторых актуальных проблемах фонетики // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ, 20–23 марта 2007 г.: Труды и материалы. М., 2007. С. 340–341.

Болычева Е.М. Интуитивное фонетическое знание и лингвистические теории: противоречия и соответствия // Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее – Вопросы русского языкознания. Вып. XIII. М., 2010. С. 120–131.

Винарская Е.Н., Лепская Н.И., Богомазов Г.М. Правила слогаделения и слоговые модели (на материале детской речи) // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977. С. 5–21.

Голев Н.Д. Русское обыденное метаязыковое сознание и языковое строительство // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1. Коллективная монография. Кемерово; Барнаул, 2009. С. 371–386.

Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е.А. Кузьминовой. М., 2000. 528 с.

Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 2004. 456 с.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004. 872 с.

История русского литературного языка XI – сер. XVIII вв.: Лингвотекстологический практикум: Учебное пособие / Под ред. М.Л. Ремнёвой; Е.А. Кузьминова, Н.В. Николенкова, Т.В. Пентковская, М.Л. Ремнёва. М.: МАКС Пресс, 2016. 200 с.

Князев С.В. Пожарицкая С.К. Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика, орфография: Учебное пособие для вузов. 2-е изд. М., 2012. 430 с.

Ломоносов М.В. Российская грамматика. СПб., 1755.

Николенкова Н.В. Орфографические особенности двух рукописей XVII в.: об авторстве черновика и беловика // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). 2016. № 1. С. 8–19.

Орлова Н.В. Русский язык и его изучение в школе (картина языкового мира школьника) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1. Коллективная монография. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2009. С. 387–399.

Правила русской орфографии. new.gramota.ru/spravka/rules/130-mtz (дата обращения: 11.10.2017).

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. orthographia.ru/ (дата обращения: 11.10.2017).

Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994. 400 с.

Русский язык: Учебное пособие для старших классов школ гуманитарного профиля книга // Багрянцева В.А., Большчева Е.М., Галактионова И.В., Жданова Л.А., Литневская Е.И., Степанова Е.Б. М., 2017. 568 с.

Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук академиком Я.К. Гротомъ. 11-е изд. СПб., 1894. 120 с.

Современный русский литературный язык / Под ред. П.А. Леканта. М., 1999. 462 с.

REFERENCES

Bolycheva E.M. On the Presumption of Letters in Naive Ideas about the Language and Some Current Problems of Phonetics. In: Russian Language: Historical Destinies and Modernity. 3rd Russian Researchers International Congress. Moscow, MSU, March 20–23, 2007: Proceedings and Materials. Moscow. 2007, pp. 340–341.

Bolycheva E.M. Intuitive Phonetic Knowledge and Linguistic Theories: Contradictions and Correspondences. In: Phonetics and Grammar: Present, Past, Future – Questions of Russian Linguistics. Issue XIII. Moscow. 2010, pp. 120–131.

Golev N.V. Russian Everyday Metalanguage Consciousness and Language Construction. In: Ordinary Metalanguage Consciousness: Ontological and Gnoseological Aspects. Part 1. Collective Monograph. Kemerovo; Barnaul. 2009, pp. 371–386.

Grigoryeva T.M. (2004) Three Centuries of Russian Orthography (18–20 cs). Moscow. 456 p.

History of the Russian Literary Language of the 11th – the middle of the 18th centuries: Practice in Lingvo-Tekstology: Textbook / Ed. by M.L. Remneva / E.A. Kuzminova, N.V. Nikolenkova, T.V. Pentkovskaya, M.L. Remneva. Moscow. MAX Press Publ. 2016. 200 p.

Knyazev S.V. Pozharitskaya S.K. (2012) Modern Russian Literary Language: Phonetics, Orthoepia, Graphics, Spelling: A Manual for Universities. 2nd ed. Moscow. 430 p.

Lomonosov M.V. Russian Grammar. St.-Petersburg. 1755.

Rules of Russian Spelling (1956). new.gramota.ru/spravka/rules/130-mtz (date of access: 11.04.2017).

Modern Russian Literary Language / Ed. by P.A. Lekant. Moscow. 1999. 462 p.

Nikolenkova N.V. Orthographic Features of Two 17th-century Manuscripts: The Authorship of Draft Copy and 'Belovik'. *Philological Sciences (Scientific Reports of the Higher School)*. 2016. No 1, pp. 8–19.

Russian Language and Its Study in School (A Picture of the Student's Language World). In: Ordinary Metalanguage Consciousness: Ontological and Gnoseological Aspects. Part 1. Collective Monograph. Kemerovo; Barnaul. Altai State University Press. 2009, pp. 387–399.

Rosenthal D.E., Dzhandzhakova E.V., Kabanova N.P. (1994) A Guide to Spelling, Pronunciation, Literary Editing. Moscow. 400 p.

Rules of Russian Spelling. new.gramota.ru/spravka/rules/130-mtz (date of access: 11.10.2017).

Rules of Russian Spelling and Punctuation. Full Academic Handbook / Ed. by V.V. Lopatin. orthographia.ru/ (date of access: 11.04.2017).

Russian Language: A Manual for Senior Classes of Schools of Arts and Humanities / V.A. Bagryantseva, E.M. Bolycheva, I.V. Galaktionova, L.A. Zhdanova, E.I. Litnevskaya, E.B. Stepanova. Moscow. 2017. 568 p.

Russian Spelling. A Manual Compiled on Behalf of the Second Division of the Imperial Academy of Sciences by Academician Ya.K. Grot. 11th ed. St.-Petersburg. 1894. 120 p.

The Grammars of Lavrenty Zizania and Meleti Smotritsky / Comp., Prep. text, scientific commentaries and pointers by E.A. Kuzminova. Moscow. 2000. 528 p.

Vinarskaya E.N., Lepskaya N.I., Bogomazov G.M. Rules of Classification and Syllabic Models (in children's speech). In.: Questions of Theoretical and Experimental Linguistics. Moscow. 1977, pp. 5–21.

Zaliznyak A.A. (2004) Ancient Novgorod Dialect. 2nd ed. Moscow. 872 p.

Сведения об авторах:

Екатерина Марковна Болычева,
канд филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ekaterina M. Bolycheva,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
129-130@mail.ru

Наталья Владимировна Николенкова,
канд филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Natalia V. Nikolenkova,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
natanik2004@mail.ru